

УДК 378+130.2
ББК 71.0

Х.Г. Тхагапсоев

К ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМ ИЗМЕРЕНИЯМ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассматриваются смысл категории «технология», которую предложено понимать как универсальный способ бытия знания; критерии типологизации гуманитарных технологий; роль культурологии в стратегиях гуманитарных технологий; значимость гуманитарных технологий в деятельностной модели образования; их возможности для формирования национальной идентичности в поликультурной России.

Ключевые слова:

гуманитарные знания, гуманитарные технологии, деятельность, индивидуальность, коммуникация, цивилизационный вызов, цивилизационное развитие

В современном культурно-историческом процессе технология выступает не только в качестве базового механизма социального бытия и «демиурга» форм жизнедеятельности, но и как ценностно-регулятивный фактор, определяющий цели и ориентиры цивилизационного развития. В этом контексте установка на технологию в методологии мышления и деятельности обретает парадигмальный характер, что заявляет о себе прежде всего в сферах науки и образования. В стратегии современной науки и само миропонимание становится «технологическим» – мир видится и полагается не столько как «предметные множества», требующие объяснения, понимания, описания, интерпретации, сколько как процессы (потенциальные технологии), освоение которых полезно, выгодно, ведет к приращению технологической мощи. При таком рационально-прагматичном («технологичном») отношении к миру соответственно меняются и ценностные ориентиры познания: интерес и значимость представляет не знание само по

себе, а те технологии, что в них «заключены». Более того, в рамках схематично очерченного мироотношения процесс выработки знания встраивается непосредственно в процессы создания, наладки, запуска, развития и тиражирования новых технологий. Таким образом, целью и формой бытия науки становится не только и не столько генерирование знания, сколько порождение технологий. Все это мы наблюдаем в повседневности: это массовая практика информационного общества и его научной культуры, которая напрямую затрагивает и сферу социально-гуманитарного познания. Сегодня едва ли не главными мерами гуманитарных и социально-гуманитарных знаний, их качества и ценности, организации и построения становится технологическая пригодность и технологическая эффективность. Вот здесь (в контексте ситуации «технологического фетишизма») встает целый ряд проблем философско-методологического и культурологического порядка, без решения которых гуманитарные технологии, на наш взгляд, обречены на серьезные риски и неудачи – застрять в пространстве метода «проб и ошибок», соскользнуть на манипулятивность и тотальность, а то и растечься в массовые формы профанации знания и т. д. В этом плане характерно (если не сказать – симптоматично) даже в тех рядах гуманитариев, которые активно включены в процессы обоснования российской стратегии гуманитарных технологий, осознание «необходимости еще раз внимательно продумать и условиться... о том, какое содержание мы вкладываем в само понятие гуманитарные технологии»¹.

И в самом деле, в отличие от естественно-научных знаний, «технологизация» которых давно стала пространством системных методологий и сферой бытия целого спектра опосредующих форм знания (технических и технологических наук), соотнесение технологий и гуманитарных знаний пока сопряжено со множеством методологических нюансов, требующих основательного прояснения.

1. Гуманитарная технология как предмет методологической рефлексии

Вероятно, уместно обратиться прежде всего к утверждающемуся ныне в философии пониманию сути технологии и смысла категории «технология». Она сегодня соотносится не только (и не столько) с рецептурно-операционными действиями инженерии (как это было), но практически с любым аспектом существования знания – от его выработки, получения («когнитивные технологии»), системного построения в форме законов, теорий, гипотез, парадигм («технология организации знания») до утилитарного использования («инженерные технологии», «социальные технологии», «гуманитарные технологии»). Технология в такой, предельно широкой, интерпретации являет собой универсальный способ бытия знания, а значит, и гуманитарные знания не могут оставаться за пределами технологий. Но тут же встают вопросы, требующие методологических конвенций. Еще Б.Г. Юдин обратил внимание на двойной характер смысла дефиниции «гу-

манитарная технология»². Речь идет, с одной стороны, об отнесенности ее к гуманитарным знаниям (гуманитарные технологии как специфический способ их функционирования), с другой – о направленности технологий на человека, что, понятно, не ограничивает их знаниевую базу гуманитарными науками, но может включать и прочие виды знания – социальные, естественно-научные. Здесь, на первый взгляд, речь идет об очевидном (тривиальном): гуманитарные технологии опираются не только на гуманитарные знания, но и на социальные, инженерные, а также на средовые и коммуникативно-средовые факторы, за которыми стоят не только знания гуманитарного характера. Однако совсем не очевидно другое: могут ли гуманитарные знания в имманентных формах их существования (закон, теория, гипотеза, нарратив и пр.) составить субстанциональную основу гуманитарной технологии (к этому вопросу мы еще вернемся)? Нюансы, требующие прояснения в отношении гуманитарных технологий, разумеется, этим не исчерпываются. К их числу относится и проблема разграничения социальных и гуманитарных технологий. Если придерживаться подходов Б.Г. Юдина, там, где речь идет о воздействии на индивида, следует говорить о гуманитарных технологиях, а когда речь идет о воздействиях на социальные общности любого масштаба, имеет смысл говорить о социальных технологиях³. Кажущаяся очевидность подобного различения также обманчива, если учитывать, что доступ к сознанию «другого» пролегает через феномен и механизмы интересубъективности, то есть социальности, а социальные технологии, формально адресуемые социальным общностям, могут достичь преследуемых целей воздействия или преобразования лишь в том случае, если они мотивированы, окрашены, детерминированы интересами, запросами и потребностями индивида. Так что границы между социальными и гуманитарными технологиями призрачны и условны, что ставит на повестку дня вопрос о «социально-гуманитарных» технологиях вообще. Перечень подобных вопросов можно продолжить, но главное в данном случае заключается в том, что все они являются аспектом другой, более общей методологической проблемы гуманитарных технологий – подходов к типологизации технологий данного рода.

Как известно, предварительным условием обращения к любой реальности является возможность выделять типы, в которых бытует и поддается репрезентации данная реальность; это в полной мере относится и к гуманитарным технологиям. А под технологией в современной философии понимают именно специфическую реальность, которая являет собой сферу целенаправленных усилий, детерминированных социально-культурными факторами⁴. Если следовать логике такого понимания технологии, когда ее смысловая доминанта – это усилие, деятельность, которая мотивирована и направлена на «освоение, преобразование» и «переконструирование» реальной действительности, то очевидно, что за технологией стоят не только знания, но и социальные институты в самом широком понимании, включая ценности и нормативы регулирования, мировоззренческие конструкты (в том числе – научные картины мира), маркеры идентичнос-

ти, а также не артикулируемые феномены сознания (неявные знания, интуиция, феномены бессознательного). В этом контексте вопрос, «что будем понимать под гуманитарной технологией», далеко не риторический, поскольку она предстает не только как форма бытия знания, но и как форма куда более сложной реальности, в рамках которой знания организованы и функционируют не в логике и структурах предметности (а значит, не в имманентных формах построения предметного знания), а в логике и структуре деятельности человека, в целевой алгоритмической архитектонике действий и отношений. Такое широкое понимание гуманитарной технологии требует и детализации ее посредством типологизации. В противном случае трудно вести речь о конкретной технологии, ее структуре и назначении, проектировании и конструировании, анализе, развитии и применении.

Здесь в пору обратиться к инженерии, где изначально формировалась идея технологии, методология ее генерации, принципы типологизации и классификации, тем более что развитие наук происходит в том числе и за счет парадигмальных межотраслевых «прививок» идей, принципов и методов⁵. Так, в инженерии в качестве критериев для типологизации технологий используются: их субстанциональная основа (вещественные, энергетические, информационные технологии); деятельностная сфера применения (промышленные, аграрные, транспортные, медицинские, научно-исследовательские технологии); целевое назначение (технологии диспергирования, плавления, формообразования, сборки); процессная сущность (механическая, тепловая, химическая, электрическая, лазерная и т. д.). Понятно, что о прямом переносе логики типологизации инженерных технологий на сферу гуманитарных технологий не может быть речи уже хотя бы потому, что инженерные технологии строятся и функционируют в мире объективных сущностей, в пространстве бессубъектных отношений, в то время как гуманитарные технологии являют собой, прежде всего, реальность (мир) субъективных отношений. В то же время очевидно, что такие универсальные критерии типологизации, как сфера применения, целевое назначение, процессная природа и субстанциональная основа, вполне соотносимы и с гуманитарными технологиями. Но при этом встает целая серия методологических вопросов – в частности, когда речь идет о субстанциональном основании и о процессных механизмах гуманитарных технологий, а точнее, о возможных подходах к их идентификации и репрезентации. Если придерживаться общепринятых представлений о природе технологий, то в качестве их субстанционального основания выступают знания, информация, а сама технология при этом понимается и интерпретируется как способ бытия знания⁶. Очевидно, что это соответствует действительности, когда речь идет об инженерных технологиях – здесь и типология технологий практически совпадает с предметной типологией научного знания. Иначе говоря, химические технологии субстанционально базированы на химических знаниях, электрофизические – на физических знаниях, термические (или криогенные) – на термоди-

намических знаниях и т. д. При этом, заметим, будучи субстанциональным основанием той или иной инженерной технологии, естественно-научное знание выступает в имманентных формах существования научного знания (как правило, в форме научного закона, каузальных отношений), что позволяет рассчитывать количественные и качественные параметры технологий, управлять ими, проектировать и конструировать их структуры, а главное, точно рассчитывать «эффект выхода». Другое дело гуманитарные технологии: в их рамках гуманитарные знания становятся технологиями, то есть факторами воздействия на индивида и его поведенческую диспозицию опосредованно, ровно в той мере, в какой затрагиваемые (вовлекаемые в технологический процесс) знания «обрамлены» факторами субъектных отношений, мотивациями, интерсубъективностью и т. д. В итоге получается, что субстанциональные основания гуманитарных технологий весьма сложны, неоднородны, а сами технологии предстают не только как способ бытия знания, но и как сложная реальность (пространство субъект-субъектных, субъект-объектных, ценностно-мотивационных отношений). Впрочем, это вполне соответствует представлениям современной философии, в рамках которой технология, как уже подчеркивалось, понимается именно как специфическая реальность, которая являет собой сферу целенаправленных усилий и отношений, детерминированных социально-культурными факторами. Иначе говоря, субстанциональные основания гуманитарных технологий состоят не только и не столько из знаний в имманентных формах их бытия, сколько из культурных форм – парадигмальных и массовых. Впрочем, характерная устремленность гуманитарных технологов к междисциплинарности, к таким формам знания, которые выходят за пределы предметности, так или иначе отражает проблему неоднородности и сложности субстратных оснований гуманитарных технологий. Но здесь вновь встают методологические вопросы, требующие прояснения. Дело в том, что междисциплинарность являет собой познавательную стратегию, призванную обеспечить максимальную полноту познания конкретного объекта, реальности, что вовсе не снимает и не решает проблемы организации и построения полученного при этом знания. А между тем, представление знания, полученного методами междисциплинарного подхода, как правило, сводится к формам дискурса, в котором рядоположены предметные знания, в то время как очевиден запрос гуманитарных технологий на иные формы организации знания – модельные, укрупненные (например, в форме теоретической схемы объекта или научной картины объектного мира). Но главное в данном случае заключается в том, что под вопросом оказывается приемлемость такого критерия идентификации и типизации технологии, как «субстанциональная основа». И в самом деле, гуманитарные технологии пока, как правило, репрезентируются либо по целевому назначению (технологии формирования политической, этнической и религиозной толерантности, технологии межэтнического, межконфессионального и межкультурного взаимодействия, технологии модерации в сфере социального взаимодействия и пр.), либо

по деятельностной сфере применения (политические, театральные технологии). А между тем очевидно, что такие критерии, как «цель, целевое назначение» и «сфера применения», являются внешними по отношению к технологии и не затрагивают ее сути, не выводят на механизмы и рычаги проективного и управляющего воздействия на технологии. Все это лишь раз свидетельствует о глубокой специфичности гуманитарных технологий, затрудняющих их эффективное проектирование/конструирование на данном этапе. В то же время, принципы проектирования любых технологий универсальны и фактически строятся на «игре» с субстанциональной структурой (основой) и процессами, определяющими суть и потенции технологии. Если учитывать эти обстоятельства, необходимы куда более настойчивые исследовательские усилия по системному выявлению принципов и параметров проектирования и регулирования гуманитарных технологий. А они, подчеркнем еще раз, лежат в сфере субъект-субъектных и культурно-ценностных отношений. В этом смысле то, что именуется гуманитарной технологией, по существу являет собой культурные технологии, технологии культуры труда, общения, игры, принципиально ориентированные на выход за пределы «привычного порядка вещей», на раскрытие новых связей-отношений, на придание им новой динамики. Подобная постановка вопроса, как нам представляется, открывает реальные подходы к систематизации и типизации гуманитарных технологий, а значит, и к их проектированию, анализу, развитию, применению. Например, гуманитарные технологии (независимо от сферы их применения) на основе учета характера субъектно-субъектных и субъектно-ценностных отношений (разыгрываемых в рамках этих технологий) могли бы делиться на мотивационные, ориентационные, ролевые, эмотивные, аналитические, рефлексивные, нормативно-рефлексивные, дискурсивные (аргументативно-дискурсивные) и др. Подобный набор типических признаков технологий, будучи дополнен набором принципов их пространственно-временного структурирования (скажем, линейриарные, циклические, симультанные), мог бы создать предпосылки как к содержательному анализу, так и к рациональному проектированию гуманитарных технологий. Если придерживаться предлагаемых нами типологических принципов, а гуманитарные технологии понимать как целенаправленное воздействие на ценностные диспозиции и поведенческие стратегии индивида, то дискурсы по таким «предметным наукам», как этика, эстетика, история культуры, вероятно, имеют все шансы оказаться в ряду гуманитарных технологий, в то время как физико-математическим междисциплинарным дискурсам (образовательным, гуманитарным технологиям), скорее всего, потребуются дополнительные «технологические» оснащения типа «обучая развлекай, развлекая обучай». Таким образом, междисциплинарный характер еще не гарантирует «технологическую пригодность» знания, хотя такое представление бытует широко.

Приведенный анализ позволяет констатировать, что, наряду со знанием в имманентных формах и в дополнение к нему, арсенал психологии, мир

культурных форм и субъектно-субъектных отношений вкуче составляют сложную и противоречивую основу гуманитарных технологий. Иначе говоря, гуманитарные технологии предстают не только как способ бытия знания (его выработки, функционирования, практико-прагматической утилизации), но и как форма отношения знания к конкретным условиям его бытия, включающим социально-культурный контекст, психологический фактор, а также архитектуру задействованного массива знания. В этом смысле вполне оправданными и перспективными в плане развития гуманитарно-технологических стратегий представляются следующие идеи: «культура как семантический способ конструирования гуманитарного знания в гражданском обществе» (К. Завершинский), «ресурсы культуры как основа гуманитарных знаний» (В. Фортунатова), «культуро-субъектная топология» (А. Грякалов). Таким образом, вполне закономерен активный интерес к роли культурологии в стратегиях гуманитарных технологий.

Выше уже отмечался «двойственный» характер гуманитарных технологий в смысле их направленности вовне (интенциональная двойственность): они, с одной стороны, соотношены с гуманитарными науками, с другой – сфокусированы на человеке. Однако их двойственность этим не исчерпывается. Дело в том, что идея и феномен «гуманитарная технология» принципиально двойственны и глубоко противоречивы во всех измерениях, поскольку «технологическое» утилитарно и насильственно (ориентировано на достижение цели любыми доступными средствами, на «разворот человека и его сознания в нужном направлении» в данном случае), а «гуманитарное», напротив, ориентировано на бескорыстный интерес к человеку, к его уникальной индивидуальности, свободному раскрытию его духовного мира. Понятно, что любое нарушение баланса этих сторон гуманитарной технологии чревато либо антигуманной тотализацией бытия человека, либо псевдогуманной профанацией практики гуманитарных технологий. В этом смысле гуманитарный технолог всегда стоит перед дилеммой: насколько гуманно (и приемлемо) то, что возможно технологически. Так заявляет о себе сущностная (не только интенциональная) двойственность гуманитарной технологии, поскольку она «уходит» своими целями и субстратными основаниями в «социологическое» (прагматическое) и «культурологическое» (духовное, моральное), вновь и вновь выводя на философские контуры осмысления всей проблематики стратегии гуманитарных технологий.

В заключение отметим, что гуманитарные технологии специфичны не только своей непростой субстантивной основой, противоречивостью, сложной структурой, но и в плане предсказуемости результатов (выхода, эффекта). Дело в том, что в отличие от когнитивных технологий естествознания, а тем более инженерных технологий, являющихся собой замкнутую и управляемую систему с гарантированным выходом на запланированный результат, технологии, соотношенные с социально-гуманитарными знаниями, являются принципиально открытыми системами-процессами, в которых происходит не только трансформация знания

в поведенческие диспозиции и стратегии действия, но и символическая интеракция – интерсубъективный процесс. А значит, здесь происходит не только поведенческая реакция на известное знание, но и порождение новых смыслов, нового знания, отличного от знаний на «входе». Иначе говоря, гуманитарная технология, в отличие от логизированных когнитивных технологий «точных наук», может: 1) не достичь изначально поставленных целей; 2) превзойти ожидаемый результат; 3) привести к совершенно новому видению изначальной проблемы (к незапланированному результату), что вновь и вновь указывает на необходимость основательного и системного исследования всех аспектов специфики гуманитарных технологий.

2. Образование как социально-культурное пространство и деятельностьная сфера функционирования гуманитарных технологий

Системного исследовательского внимания требуют не только методологическая проблематика анализа и проектирования гуманитарных технологий, о чем до сих пор шла речь, но и те особенности, которые определяют параметры функционирования и «реальный выход» этих технологий. Мы, в частности, хотели бы привлечь внимание к одной из них, весьма существенной, на наш взгляд, для процессов функционирования гуманитарных технологий в сфере образования. Речь идет о специфике контекстной зависимости (детерминации) гуманитарных технологий. Известно, что контекстная детерминация реальностей (в том числе и технологических) в той или иной форме и степени – явление универсальное, «вездесущее», «неустранимое». Однако контекстная зависимость гуманитарных технологий – явление особое: здесь в качестве определяющих (детерминирующих) факторов выступают не природно-объективные, каузально-онтологические сущности (как это имеет место в случае инженерных или медицинских технологий), а мейнстрим социальной интенции и культурной моды в конкретный момент, более того – привходящие, случайные, разовые вызовы конкретных деятельностьных ситуаций. Это достаточно четко прослеживается и на примерах отношений образования и гуманитарных технологий. Тотальная установка на технологии, что, как уже подчеркивалось, ныне становится стратегией цивилизационного развития, в проецировании на сферу образования означает переход от знаниевой (академической) парадигмы к деятельностьной. Дело в том, что деятельность как таковая (как условие и способ бытия человека и общества) универсальна, носит «вездесущий» характер, что, в свою очередь, с неизбежностью предполагает постоянное обновление в своих конкретных формах и видах. В этом контексте встает вопрос о тенденциях развития видов и форм деятельности на данном этапе социальной истории, поскольку именно здесь сокрыты как вызовы образованию, так и детерминанты гуманитарных технологий. Анализ данных социальных

и гуманитарных наук – социологии труда, экономики, культурологии и др. – дает основание говорить о следующих принципиально значимых тенденциях развития деятельности в наши дни.

1. Резкое, «взрывное» расширение спектра видов и форм деятельности, о чем свидетельствуют такие примеры, как возрастание числа рабочих профессий с 50–60 наименований в начале XX века до 4–5 тысяч к концу века; дифференциация науки, что уже привело к появлению почти тысячи предметно-специализированных наук, ориентированных на конкретные формы и виды практической деятельности.

2. Усложнение структурных схем, средств и процессов деятельности, что сопровождается технологизацией всех аспектов и форм бытия человека и общества.

3. Ускоряющийся рост роли культурно-символических ресурсов в социальном бытии и деятельности человека, что настоятельно вызывает к жизни феномен гуманитарных технологий.

Понятно, что учет каждой из этих тенденций принципиально важен для социальной практики, для всех без исключения сфер социально-культурного бытия – политики, экономики, культуры, науки, морали, права. Но самое главное в данном случае заключается в том, что указанные векторные тенденции развития деятельности, будучи взяты вместе, выступают прежде всего как вызов образованию, его парадигмальным принципам, формам. В условиях такого вызова образование, понятно, может быть только деятельностным, и никаким иным. Соответственно, деятельностными в своей сущности являются и образовательные технологии, что, разумеется, относится и к гуманитарным технологиям. Однако главное, на что хотелось бы обратить внимание, заключается в том, что и сама практика применения гуманитарных технологий в сфере образования должна базироваться именно на деятельностной концепции образования. Это принципиально важно потому, что перенос (трансформация, распространение) имманентной структуры и логики деятельности на образование открывает широкий методологический простор для конкретного анализа всех аспектов как бытия образования, так и применения гуманитарных технологий в процессах образования. В частности:

- форм и типов субъектности в сфере образования, которые должны учитываться и в рамках гуманитарных технологий;
- объектного мира образования, его структуры и закономерностей (мира знаний, ценностей, культурных форм и технологий);
- типологии и закономерностей функционирования субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений в сфере образования в различных социальных, региональных и культурных контекстах;
- спектра целеустановок в сфере образования, их истоков и мотивирующих механизмов (в различных социально-культурных контекстах);
- структур и закономерностей развития неспецифических и специфических средств образования (в том числе и гуманитарно-технологических);

- закономерностей развития процессов образования (дидактических, информационно-технологических, психологических, организационных, управленческих);

- критериев оценки результатов образовательного процесса и их качества (в частности, компетентностных).

Иначе говоря, использование деятельностной концепции (теории) позволяет ставить на системную методологическую основу весь комплекс субъектно-объектной проблематики образования, без чего гуманитарные образовательные технологии, выстраиваемые сами по себе, «от своих оснований» или в рамках натуралистических представлений педагогики, едва ли будут успешны. Заметим также: деятельностная концепция образования создает теоретическую базу для обоснования компетентности (как главного критерия оценки качества и эффективности образования), при этом видя в технологии главный способ ее достижения. Дело в том, что компетентность не сводима к сумме знаний, поскольку имеет деятельностную, а значит, технологическую природу, являет собой способность к действиям по созданию, развертыванию и реализации действий-технологий (в целях выхода за пределы привычного порядка вещей, наличной структуры и динамики связей-отношений, как уже подчеркивалось). Но компетентность как модус деятельности специфична тем, что она принципиально ситуативна, проявляется как действие и как технология действий «здесь и сейчас», в конкретных ситуациях, более того – не может существовать вне этих ситуаций, которые могут быть штатными и нештатными. Именно умение действовать эффективно в условиях нештатной ситуации и считается, как известно, высшим мерилком компетентности. Следовательно, одним из отправных моментов проектирования образовательных гуманитарных технологий является выявление и учет типологий штатных и нештатных ситуаций в рамках той профессиональной деятельности, с которой соотносится компетентность. Иначе говоря, проектирование образовательных технологий изначально предполагает выявление и учет не только требований к компетенции (на чем пока сосредоточено основное внимание стратегов образования), но к спектру возможных ситуаций действия в рамках данной профессии – к ситуационной структуре специальности. Понятно, что нештатные ситуации профессиональной деятельности – скорее, предмет прогнозных оценок (и оценок риска), в отличие от штатных (стандартных), типология которых в последнее время становится предметом внимания науки. Так, А.В. Шкурко выделяет в качестве универсальных следующие типы ситуаций: «инструментальные», «рецептивные», «эвалютивные» (оценочные), «презентационные», «креативные», «принятие решения». Вероятно, к ним можно было бы добавить «коммуникативные», «интеракционные», «апеллятивные» и др⁷. Понятно, что образовательные гуманитарные технологии призваны «обслуживать» именно эти ситуации, поскольку из них и складывается компетентность специалиста. Таким образом, стратегия гуманитарных технологий предполагает не только переход от знаниевой парадигмы образования к компетент-

ностной, но также конкретизацию и типизацию ситуационной структуры компетентностей, что пока еще не стало предметом внимания.

3. Гуманитарные технологии в системе цивилизационных вызовов современной России

Подобная постановка вновь приводит к соотнесенности гуманитарной технологии с объектно-предметной природой и смысловым содержанием знания, то есть к уже затрагивавшемуся вопросу «что будем понимать под гуманитарной технологией». Иначе говоря, к вопросу: обладает ли статусом гуманитарной любая когнитивная, образовательная технология (скажем, объяснение, понимание, описание, верификация безотносительно к предметной природе и ценностно-смысловому содержанию знания)? По-видимому, не обладает. В то же время определенно можно утверждать следующее. Если учитывать, что гуманитарные технологии – это не только способ бытия знания, но и форма отношения знания к конкретным условиям его бытия (прежде всего социокультурным), то очевидно, что социально-гуманитарные знания, будучи по своей сути ценностными и субъективными, изначально являются «технологическими» (технологичными), несущими ценностные интенции, поведенческие диспозиции и алгоритмы социальных действий, мотивы к действиям. В этом плане резонно полагать, что социально-гуманитарные знания, а точнее их функционирование в технологиях, должны составлять субстанцию той самой «рациональной коммуникации», которая, по утверждению Хабермаса, выступает как основа общества⁸. Ситуация в современной России такова, что запрос на рациональную коммуникацию, а шире – на эффективные гуманитарные стратегии и технологии – носит крайне острый характер.

Россия, как известно, ныне проходит один из сложнейших этапов своей истории – этап преодоления советского уклада жизни и далеко не во всем удачных реформ политического, экономического и культурного бытия, которые разворачиваются в условиях глобализации мира и резкого обострения конкуренции на мировой арене. Эта ситуация ставит страну перед лицом множества новых вызовов и проблем – прежде всего, перед проблемой общенациональной консолидации на основе формирования российской социально-культурной идентичности. В многоэтничной и поликультурной России формирование национальной идентичности, означающей становление единой нации, – сложный, болезненный и противоречивый процесс уже хотя бы потому, что предполагает сближения и трансформации множества этносов и культур. Неизбежно встает вопрос: какие препятствия стоят на этом пути? Каковы возможные механизмы их преодоления? Какова роль специфики того или иного этноса, его культурной идентичности в процессах формирования российской национальной идентичности? Эти вопросы, как нам представляются, являют собой вызов не только политической практике современной России, но и социально-гуманитарной науке, образованию, всей стратегии гуманитарных технологий в обществе. Здесь,

вероятно, необходимо подчеркнуть, что политическая стабилизация, которая достигнута за последние годы на основе принуждающих механизмов власти, может стать долговременной лишь в том случае, если свершится переход от принудительной стабильности фрагментированного сообщества этносов к социальной консолидации российского общества на основе широкого консенсуса и открытой рациональной коммуникации. Речь, таким образом, идет о том, станет ли социально-гуманитарное образование пространством, средством и механизмом решения ключевых (экзистенциальных) проблем современной России по формированию единого гражданско-политического сообщества (нации), а значит, механизмом и средством системной модернизации политического, экономического, технологического и культурного бытия страны; выработки и реализации стратегии эффективного участия России в процессах глобализации мира – или же образование так и останется системой репрезентации и трансляции «ставшего», а гуманитарные технологии, соответственно, – лишь данью моде. Иначе говоря, станет ли социально-гуманитарное образование фактором консолидации российского общества и динамизации его развития по траектории системной модернизации в «семиотике четырех И». Эти суждения не являются данью «политическому моменту»: гуманитарные технологии по своей природе и сути таковы, что они разворачиваются, функционируют через обширную и сложную систему связей и опосредований, охватывающих куда более широкое пространство, чем сфера их непосредственного приложения.

Подчеркнем еще раз: в условиях жестких вызовов современного мира достижение глубокой культурно-технологической модернизации становится вопросом исторических перспектив России, ее целостности и шансов оставаться значимым актором мирового социально-политического пространства. В то же время очевидно, что системная модернизация России и развитие ее по исторически перспективному пути консолидированной нации-государства будут реальны и достижимы лишь в том случае, если в сознании россиян будут происходить опережающие преобразования, направленные на это. При кажущейся, на первый взгляд, тривиальности такой постановки вопроса неготовность массового сознания принять неизбежные решения остается проблемой номер один. Если в отношении технологической и экономической модернизации острота проблем теперь уже явно идет на убыль, то неготовность к принятию неизбежных решений в сфере национальных отношений становится одной из острейших проблем современной России, проявляясь, прежде всего, в широко распространенных феноменах этнофобии, шовинизма, культурного радикализма, «нашизма».

Доминантный русский этнос страны, который сегодня находится в ситуации политического и социально-культурного вызова стать гражданской нацией в синтезе со всеми этносами федерации и решить таким образом экзистенциальную задачу обеспечения целостности и единства России на историческую перспективу, пока, судя по всему, не готов к выполне-

нию своей роли. Здесь явно сохраняется инерция культурно-политических импульсов 1990-х годов – интенции массового этнического сознания на «культурное возрождение», на религиозный ренессанс. Все это, похоже, дистанцирует русское сознание от всего культурно и этнически «иного». Ситуация усугубляется тем, что сознанием российской, прежде всего русской, молодежи с нарастающей активностью завладевает массовая культура, которая в своих ценностях, нормах, формах и идентификационных маркерах позиционируется негативно по отношению к этническим культурам, кавказским особенно, уже в силу их «архаичности», «не-стильности», «не-клеветности», «не-гламурности». Факты свидетельствуют о том, что ныне этнофобия (особенно кавказофобия) обрела не только широкий размах, но и самостоятельную жизнь в информационном пространстве (в мире тех самых гуманитарных технологий) и активно бытует, не столько отражая факты, сколько навязывая сознанию конфликтно-драматическое зрелище отношений с «иными». Агрессивно-конфликтная идентификационная мера «наши-не наши» ныне претендует стать детерминантой социально-культурной коммуникации, политического поведения и социальных действий человека в России – стране на редкость многонациональной. Понятно, что здесь речь идет прежде всего о вызовах социально-гуманитарной науке и социально-гуманитарному образованию страны. В частности, решается вопрос: станет ли социально-гуманитарная наука интеллектуальной основой и моральным лидером рациональной коммуникации в российском обществе в самом широком смысле (политическом, социальном, культурном), оказывая, таким образом, влияние на стратегические решения власти? Сосредоточится ли социально-гуманитарное образование на деятельности в социальных технологиях – дискуссиях, полемике, активном реагировании на происходящее в обществе? Иначе говоря, станут ли социально-гуманитарная наука и образование ядром университетского сообщества, призванного позиционироваться вне власти и над властью, быть интеллектуально-моральным камертоном общества, генерировать модели гражданского общества и образцы демократии? Если не созданы такие контекстные условия, не сформулированы и не стали императивами подобные ценностные ориентиры, если гуманитарно-технологическая культура образования не сопряжена с гуманными проективно-технологическими стратегиями власти и демократическими формами бытия социума, то гуманитарные технологии, в лучшем случае, имеют шансы стать продуктом «внутреннего потребления» для самой сферы образования (оставим в стороне те области деятельности, где они давно стали ходовым товаром и, увы, не «обременены» гуманитарными ценностями: СМИ, рекламную деятельность, политику, шоу-бизнес).

Здесь, вероятно, уместно еще одно замечание. Дело в том, что в контекстной детерминации гуманитарной технологии особая роль принадлежит идеологическому (политико-идеологическому) фактору. Именно политическая идеология (а тем более – поддержанная ресурсами власти или ценностными нормативами социума) являет собой тотальную («конвейерную»)

гуманитарную технологию. В этом плане едва ли не главным условием спасения от превращения гуманитарных технологий в инструмент манипуляции сознанием и поведением человека является, прежде всего, развитие лучших образцов политической культуры и устройства власти – культуры консенсуса, демократии участия. Пока мы еще далеки от этого. А между тем ситуация в стране такова, что гуманитарно-технологические стратегии востребованы в самых чувствительных сферах нашего бытия, в первую очередь – в сфере национально-культурных отношений. Характерная для современной России половинчатость в решении ключевых вопросов наиболее опасным образом коснулась именно сферы этнополитических и этнокультурных отношений, что проявляется:

- в явной противоречивости политико-правовых оснований регулирования национально-культурной проблематики;

- в отсутствии публично артикулируемой стратегии в отношении национального вопроса (к чему страна стремится: сохранить «этнополитическую единицу» – национальную республику как основу федерализма; перейти к территориальной организации федерации, а значит, к культурной автономии этносов; проводить политику поликультурализма или стратегию «плавильного котла» культур);

- в отсутствии нормативной практики системного проявления и регулирования этнополитических и этнокультурных процессов, а главное – в отсутствии действенных норм и механизмов подобного регулирования.

Как показывает анализ⁹, характер противоречий в сфере национальных отношений таков, что можно квалифицировать ситуацию как «двойной кризис», то есть взаимное наложение двух кризисных явлений (феноменов): кризиса российской политической стратегии в национальном вопросе (как в плане теории, так и в плане конкретной социально-культурной практики) и кризиса этнического сознания, что, увы, не замечается в возобладавшем ныне «дискурсе стабилизации», хотя кричащим образом проявляется в ряде эмпирически фиксируемых фактов. Укажем наиболее значимые из них:

- общее снижение всех форм этнополитической активности в государстве, ее вырождение в маргинальные формы: религиозный экстремизм, терроризм (особенно в кавказском регионе), культурный радикализм;

- снижение активности этнической самоидентификации при явной активизации религиозного самосознания и религиозной самоидентификации;

- нарастание этнофобии в российском обществе.

Как известно, современный мир таков, что именно открытые рационально-коммуникативные отношения несхожих социальных сообществ – носителей различных идентичностей, стилей и форм социального бытия являются единственным механизмом культурного прогресса и цивилизационного развития. В России эти механизмы, увы, блокируются в силу указанных причин. Более того, наметившиеся в последние годы тенденции к диффузному перемешиванию этносов в нашей стране, их приток в «русские» области и края,

обусловленный либерализацией экономического бытия, натывается на этнофобию и шовинизм. Конфликтная идентификационная мера «наши-не наши», к сожалению, пока остается главным детерминантом социально-культурной коммуникации в России и самой массовой формой «социально-гуманитарной технологии» в стране. Об этом вновь и вновь напоминают факты из повседневной драмы межнациональных и межкультурных отношений не только печально известной Кондопоги, но и Москвы, Воронежа, Санкт-Петербурга, Астрахани, Сальска, Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области, Ингушетии. На этом общем озадачивающем фоне, а также в современной ситуации острого запроса на обновление мысли и семиотического арсенала социально-гуманитарной науки, как и самой ткани социально-гуманитарных отношений, представляется, что гуманитарно-технологические стратегии станут в нашей стране массовой демократической практикой, проложат путь к культурной и социальной консолидации российского общества, к формированию российской полиидентичной нации.

¹ Валицкая А.П. Нравственно-эстетические универсалии культуры и гуманитарные технологии // Вестник РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 3.

² Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. – 2005. – № 6. – С. 20.

³ Там же. – С. 21.

⁴ Розин В.М. Технология // Новая философская энциклопедия. Т. 4. – М., 2001. С. 65.

⁵ Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2000.

⁶ Подробнее: Юдин Б.Г. Наука и жизнь в контексте современных технологий // Человек. – 2005. – № 6; Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2000.

⁷ Шкурко А.В. Анализ ситуаций и проблема компетентности // Эпистемология и философия науки. – 2007. – № 1.

⁸ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000.

⁹ Тхагапсоев Х.Г. К особенностям социального бытия современной России // Философские науки. – 2007. – № 9.